

7.4. Человеческая субъективность и экзистенциальные характеристики личности (смысл жизни, смерть, свобода, ответственность и др.)

Человек, обладающий определенным духовным опытом, не может не задумываться над тем, что он есть, что он оставит после себя, зачем живет. Эти вопросы раскрывают сущность проблемы смысла жизни и по своему характеру являются экзистенциальными. Через обращенность к ним человек демонстрирует степень своей духовной зрелости, отвечая на них, определяет свою жизненную стратегию и ценностные приоритеты. Поиск смысла жизни возникает из естественной потребности ощущать значимость своей жизни для других и для самого себя. Можно выделить несколько векторов осмысления данной проблемы:

а) **трансцендентализм** (сакрализирует смысл жизни) связывает земное существование человека со служением высшим ценностям и идеалам, гарантом которых является Бог, олицетворяющий победу над силами зла, абсурда и тленности. С этих позиций, несмотря на то, что внешнее эмпирическое бытие человека выглядит как хаотический поток в общем мировом движении, его внутренняя духовная жизнь «заряжена» смыслом (С. Л. Франк), который определяется через приобщение к высшему благу, обретаемому в потустороннем мире;

б) **эвдемонизм, гедонизм, ригоризм, прагматизм**. Данный вектор соотносит смысл жизни с ориентацией на земные ценности и идеалы — счастье, наслаждение, долг и пользу соответственно. В конечном счете, согласно Э. Фромму,

жизненные принципы, определяемые в рамках данного вектора, можно свести к двум фундаментальным приоритетам: «иметь» — потреблять, пользоваться благами жизни и «быть» — отдавать, творить, реализовывать себя. Например, прагматизм редуцирует смысл жизни к практическим целям, достижение которых гарантирует благо в соответствии с формулой «желание — действие — успех». В марксизме ценность индивидуальной жизни раскрывается на пути ее служения обществу. Паразитическое существование в такой трактовке бессмысленно, как и жизнь без борьбы, ибо в борьбе через преодоление противоречий утверждается достоинство и социальная значимость человека, а через труд — реализуется его сущность;

в) **экзистенциализм** формирует идею о том, что мир сам по себе абсурден, алогичен и враждебен человеку. Человеческая жизнь рассматривается как дорога через абсурд (А. Камю). В существовании человека не обнаруживается иного смысла, кроме того, который он привносит в него сам в ситуации «здесь-и-сейчас», в акте бунта против абсурда. Смысл жизни не может быть определен окончательно не только потому, что он не полагался изначально, но и потому, что человеческое «Я», находясь в процессе постоянного самоопределения, никогда не довольствуется найденным и достигнутым.

Вопрос о смысле жизни — это одновременно и вопрос о смысле смерти, поскольку смысл жизни определяется не только в отношении к актуальному, наличному бытию, но и в отношении к вечности, в которой нас уже нет. Понять смысл жизни — это определить свое место, которое имеет пространственно-временные границы, в вечном потоке изменений. Все, что вне этих границ, для человека не существует, поэтому смерть с момента рождения присутствует в жизни как упорядочивающий ее элемент, побуждающий индивида за короткий срок его существования найти смысл и оправдать перед самим собой свое бытие. Подобная трактовка смысла жизни и смерти и их соотношения характерна как для некоторых мыслителей эпохи Античности, так и для отдельных представителей современных философских направлений. В частности, Гераклит обнаруживает внутреннее единство бытия и небытия, когда утверждает, что человек, рождаясь на свет, тем самым делает первый шаг навстречу смерти. По мнению Ж. Бодрийера, для обретения собствен-

ной идентичности субъекту нужен миф о конце в той же степени, в какой и миф о начале.

Отношение к смерти в истории человечества было неоднозначным. В древних цивилизациях смерть не рассматривалась как трагедия, скорее, напротив, выступала в качестве существенного, но кратковременного эпизода в вечной динамике жизни (от жизни через смерть к новой жизни или к «вечной» жизни). В частности, Эпикур вообще выражает сомнение в самом факте существования смерти: не стоит бояться того, чего нет, поскольку пока есть мы, то смерти нет, а когда есть она, то нет уже нас. В древнегреческой мифологии самым страшным наказанием, к которому боги могли приговорить человека, была не смерть, а бессмертие, перед лицом которого человеческая жизнь утрачивала смысл и превращалась в дурную бесконечность.

Постепенное истощение жизнеутверждающего смысла смерти начинается с эпохи Средневековья. Средневековая философия формирует противоположный ценностный полюс через представление о богоданности человеческой жизни, в силу чего она приобретает сакральный характер, а смерть выступает как несомненное зло, которое преодолевается верой в Бога.

В современной культуре, несмотря на то, что в целом смерть рассматривается как финальная точка человеческого пути, процесс ее переосмысления неоднозначен и имеет, по меньшей мере, два аспекта:

1) банализация смерти, сопряженная с тенденцией ее забвения. Смерть превращается в обыденное (банальное) событие, вытесненное на периферию повседневного опыта, растет безразличие к смерти, количество суицидов. Ее перестают трактовать в качестве единого, неделимого, решающего и безвозвратного события, исполненного глубинного смысла. Она превращается в глобальный результат совокупности частичных смертей: социальная (изоляция от общества, потеря трудоспособности); психическая (осознание очевидности и неизбежности конца для самого человека); мозговая (полное прекращение мозговой деятельности); физиологическая (угасание всех функций индивида в качестве живого организма).

По мнению Ж. Бодрийяра, в современном обществе, где функционирует целая индустрия смерти (представленная системой специальных учреждений, оказывающих ритуальные

услуги) и существует практика искусственного продления жизни, смерть вообще теряет смысл, равно как и жизнь. В результате вся культура в целом превращается в искусственную среду смерти, для которой характерны шантаж жизнью и ее продлением, а также лишение человека его собственной смерти как естественного события. Глобальная борьба со смертью с помощью новейших технологий искусственного поддержания жизни ведет к ее переносу в реальную жизнь, к превращению жизни в существование, утратившее связь с действительностью и ставшее иллюзией, имитацией жизни;

2) формируется понимание смерти не просто как трагического события, но события, предстояние которому стимулирует человека к напряжению своих творческих возможностей и проявлению сущностных сил. Наиболее последовательно данная установка представлена в концепции М. Хайдеггера, который рассматривает человеческую жизнь как «бытие-к-смерти». В такой трактовке смерть всегда носит личностный смысл («моя» смерть). Именно сознание собственной смертности выводит человека из анонимности жизни к подлинному бытию, делает это бытие полномерным и не замещаемым. Таким образом, единственное, что человек способен противопоставить смерти — возможности своего творчества и своей свободы.

В философском осмыслении феномена свободы сформировались два основных варианта его интерпретации (соответствующие классической и неклассической традициям).

1. *Свобода* — это познанная или осознанная необходимость; способность действовать, во-первых, с учетом внешних для человека обстоятельств, во-вторых, подчиняя иррациональные порывы (в виде требований инстинкта, веления страстей) принципам разума (Б. Спиноза, Г. Гегель, К. Маркс и др.).

2. *Свобода человека* — экзистенциальная оппозиция его ответственности. Она рассматривается не как божественная или природная данность, а как результат деятельности самого человека, как признание человеком своего участия в бытии. В процессуальном аспекте свобода выступает как творческий акт самоопределения (акт экзистенциального выбора в «пограничной ситуации»), обеспечивающий аутентичность (подлинность) человеческого бытия. В эссенциальном плане (в аспекте достигаемого результата) она наделяет бытие человека такими сущностными характеристиками, как уникальность и нередуцируемость

его внутреннего мира к социальному и природному измерениям. Подлинная свобода может осуществляться в любых обстоятельствах, даже в условиях физической изоляции индивида и объективирующего действия законов, в первую очередь, социальных, автоматизирующих саму возможность выбора.

Своей кульминации ощущение полноты бытия достигает не только в опыте свободы, но и в опыте *любви*. Существует точка зрения, согласно которой действительной оппозицией смерти выступает именно любовь. Данная оппозиция выстраивается как в религиозной, так и в атеистической философии. В частности, в учении З. Фрейда сущность человеческой культуры и смысловая ось бытия личности определяется противостоянием Танатоса (стремления к разрушению, склонности к агрессии) и Эроса (в широком смысле — стремления к единению, в узком — половой любви).

Христианская философия формирует религиозное восприятие личности через видение в ней божественного начала. Ценность любви истолковывается метафизически: в любимом человеке любящему открывается то, что невыразимо, сокрыто — бесконечное в конечном, целое в части, единое во многом. Эта сакральная реальность доступна не разуму (ему дана лишь внешняя предметность), а сердцу — через опыт самопознания, предполагающий внутреннее усилие, и опыт любви, связанный с преодолением границ собственного «Я».